

Зигмунд Фрейд – повторение пройденного?

© 1990, Гугнин А.

Австрийский врач Зигмунд Фрейд (1856 – 1939) прославился как основоположник психоанализа, возникшего как метод лечения невротических заболеваний и особый подход к исследованию человеческой психики, но быстро выросшего в обширное теоретическое направление в психологии. В многочисленных работах Фрейда был предложен не только новый взгляд на человеческую психику и мотивацию душевной жизни и общественного поведения, но – исходя из этого – подверглись пересмотру традиционные представления об антропологии, морали, социологии, религии, мифологии, общественной жизни, культуре, литературе и искусстве. В предисловии к вышедшему на русском языке в Лондоне сборнику культурологических работ Фрейда предложен вполне определенный взгляд на место и роль психоанализа и его основоположника в истории культуры: «Если пока было неизвестно, который из трех евреев-революционеров – Маркс, Эйнштейн или Фрейд – даст наименование нашему веку, было, однако, весьма ясно, что Фрейд являет собою одно из наиболее далеко идущих и формирующих влияний нашего времени и что его психология бессознательного – одно из величайших интеллектуальных достижений человечества – не менее радикальная, эмансипирующая и даже взрывающая все основы доктрина, чем произведенная Марксом жестокая политическая и экономическая критика индустриального общества середины девятнадцатого века или чем сотрясающие вселенную формулы теории относительности Эйнштейна» ¹. В восторгах и славословиях Фрейду на Западе нет недостатка, и можно было бы приводить еще десятки и десятки высказываний в подобном же или еще в более лестном духе.

Западная мысль осваивала наследие Фрейда непрерывно, издавая и изучая его, критикуя или уточняя отдельные положения, создавая школы его ортодоксальных последователей и не менее значительные «еретические» школы, возглавленные его учениками, подвергавшими ревизии или модернизации те или иные аксиомы своего учителя. Но анализ истории фрейдизма и его ответвлений совершенно не входит в мою задачу. Она состоит в другом – в попытке приблизить публикуемые ниже статьи и письма Фрейда к сегодняшней – и весьма непростой – духовной ситуации. В самом общем плане сложность нашей современной ситуации состоит в том, что, получив вместе с гласностью общедоступную возможность отбросить узкодогматическое и жестко навязываемое всеми правдами и неправдами мировоззрение (или набор ясных и четких клише, которые выдавались, как талоны на сахар, вместо мировоззрения), мы уподобились неопытному пловцу, который, привыкнув плавать в неглубоком бассейне, где в случае чего всегда можно опереться на твердое дно, оказался вдруг выброшенным в бурное море, где нет ни спасительного мелкого дна, ни ясного направления. И поскольку огромный поток недоступной прежде информации обрушивается на нас синхронно и со всех сторон, то необходимо овладеть всем сразу: преодолевать боязнь глубины, учиться справляться с волнами и – при отсутствии видимого берега – суметь выбрать направление, соответствующее своим силам и возможностям. А иначе недолго и утонуть. Такой видится сейчас общая ситуация, и я, конечно, не имею в виду тех, для кого Фрейд – пройденный этап хотя бы уже потому, что они давно прочитали его сочинения на немецком, английском или каком-либо другом языке. В России же судьба Фрейда сложилась своеобразно. С начала века и до конца 1920-х годов его труды активно переводились и издавались. Изданий этих – десятки, хотя все они давно уже стали библиографической редкостью. Потому что затем – почти шестьдесят лет – Фрейд уже больше по-русски не издавался, его лишь непрерывно и повсеместно ругали, считая самым мерзостным воплощением деградации загнивающего империализма. Вот, например, как в период «оттепели» разделался с Фрейдом член-корреспондент Академии медицинских наук профессор А. Снежневский: «Концепция Фрейда является зловещим знаменем эпохи – агонистической фазы развития капиталистического общества, фрейдизм – это

апокалипсис империализма»². Поскольку почти шестьдесят лет тысячи страниц «научных» трудов, где так или иначе речь шла о Фрейде и фрейдизме, заполнялись подобной руганью (можно было привести и примеры похлеще), то есть смысл заглянуть в 20-е годы, посмотреть, на чем тогда остановилась отечественная мысль в восприятии Фрейда. Нельзя сказать, что идеи и труды Фрейда не находили у нас в начале века своих оппонентов (одним из них, хотя вовсе и не в смысле абсолютного противопоставления, как это принято было трактовать, был И. П. Павлов), но книги его издавались, обсуждались, изучались – то есть находились в совершенно нормальном и естественном культурно-историческом контексте.

«Фрейд принадлежит, вероятно, к числу самых бесстрашных умов нашего века... Психианализ давно перестал быть только одним из методов психотерапии, но разросся в ряд первостепенных проблем общей психологии и биологии, истории культуры и всех так называемых «наук о духе», – писали известные ученые Л. Выготский и А. Лурия в 1925 году в предисловии к русскому переводу книги «По ту сторону принципа удовольствия» (1920). Подчеркивая, что в этой книге З. Фрейд вышел на качественно новый уровень понимания места человека в природе (как органической, так и неорганической) и его связей с ней, советские ученые делали вывод: «Итак, история человеческой психики складывается, по Фрейду, из двух тенденций: консервативной – биологической и прогрессивной – социологической. Именно из этих моментов складывается вся диалектика организма, и именно они ведут к своеобразному «спиральному» развитию человека. Эта книга – шаг вперед, а не назад по пути к построению цельной монистической системы, и диалектик, прочитавший эту книгу, поймет, какие огромные возможности монистического понимания мира вытекают из нее»³. В названной работе Фрейда и сегодня еще поражает та умозрительная смелость, с какой ученый прокладывает мост между «живой» и «неживой» природой, обнаруживая в человеческой психике не только глубинную биологическую «память» о всех предшествовавших стадиях своего биологического развития, но доводя эту «память» до уровня неорганической природы, из которой человек когда-то «вышел» и куда он с неизбежностью возвращается. Эта (родовая, генетическая, органическая, биологическая) так или иначе оказывающая свое воздействие на психику человека «память» и есть грозное «Оно» – глубинная, бессознательная часть душевного аппарата человека, содержащая в себе инстинктивные сексуальные и агрессивные влечения, которые ограничиваются, направляются и сдерживаются с помощью других структур («Я», «Сверх-Я», «Я-идеал»), возникших уже в процессе общественного развития и до определенной степени нейтрализующих «Оно».

После внимательного прочтения работы Г. Лебона «Психология народов и масс» Фрейд загорается желанием приложить открытые им структуры глубинной психологии к анализу человеческой истории и человеческого общества, что и осуществляет в книгах «Массовая психология и анализ человеческого «Я» (1921), «Будущее одной иллюзии» (1927), «Неудовлетворенность и культура» (1930) и в блестящей (35-й) лекции «О мировоззрении» из второго цикла «Лекций по введению в психоанализ» (1932). При изучении всего этого богатого материала сейчас и в современном контексте просто диву даешься, как близко (порой почти совпадая в формулировках) соприкасаются психоаналитические идеи Фрейда с наблюдениями его современников, исходивших совсем из иных научных предпосылок, например «виталистских», как Ортега-и-Гассет в своей эпохальной работе «Восстание масс» (1930). Ортега-и-Гассет, наблюдая на примере Европы кризис традиционной иерархии буржуазно-демократических культурных ценностей, зорко заметил, как арену европейской истории занял «человек толпы» с его «отрицательной, негативной моралью». С точки зрения «европейца, который все свои усилия и всю свою веру поставил на карту индивидуальности», для Ортеги неприемлем ни напор толпы «справа» (фашизм), ни напор толпы «слева» (большевизм), ибо «справа» и «слева» «диктатуры заигрывают с людьми массы и льстят им, попирая все, что выше среднего уровня.» «Человек, играющий реакционера, будет утверждать, что спасение государства и нации освобождает его от всяких норм и запретов и дает ему право истреблять ближних, в особенности выдающихся личностей. Точно так же ведет себя и «революционер». Когда он распинается за трудящихся, за угнетенных, за социальную справедливость, это лишь маска, предлог, чтобы избавиться от всех обязанностей – вежливости, правдивости, уважения к старшим и высшим... Человек массы живет за счет того, что он отрицает, а другие создавали и копили»⁴.

Для Фрейда, как и для Ортеги, как и для многих крупнейших европейских мыслителей, развитие человеческой цивилизации неразрывно связано с развитием личности; подлинный прогресс, по Фрейду, возможен лишь тогда, когда «новый общественный строй не только покончит с материальной нуждой масс, но и услышит культурные притязания отдельного человека». Уяснение структур человеческой психики, открытие глубинной психологии и постоянной спутницы человека – биологической «памяти»(грозного и всеприсущего «Оно»), – все это неизбежно должно было настраивать Фрейда скептически по отношению к идее революционного переустройства общества на справедливой социальной основе. В силу своей особой – психоаналитической – точки зрения Фрейд был особенно нетерпим ко всяким попыткам упростить взгляд на сущность человека, свести его, например, к одним лишь социальным детерминантам. Отсюда проистекает и его неизбежная и принципиальная полемика с марксизмом (которому в принципе он, будучи крайним рационалистом, не мог не симпатизировать). «В своем осуществлении в русском большевизме теоретический марксизм нашел энергию, законченность и исключительность мировоззрения, но одновременно и зловещее подобие тому, против чего он борется.

1. З. Фрейд, Избранное, т. I, London, 1969, с. 8. В данном случае эта цитата важна как выражение определенной позиции, потому что, конечно же, возможны другие позиции и другие точки отсчета. Для меня, например, объемнее было бы обозначение «век Достоевского», ибо «Братья Карамазовы»и «Бесы»гораздо нагляднее и многомернее объясняют всю «бесовщину», ареной которой практически стали все земные континенты в XX веке.
2. В предисловии к книге американского философа- марксиста: Г. Уэллс, Павлов и Фрейд, М., 1959, с. 18.
3. Цит. по: З. Фрейд, Психология бессознательного, М., 1989, с. 36. Понятно, что и с этим выводом можно полемизировать, потому что и «социологическая»природа человека столь же сложна и ее никак нельзя назвать однозначно «прогрессивной»(равно как и «биологическую»тоже вряд ли можно считать только лишь «консервативной»).
4. Х. Ортега-и-Гассет, Восстание масс. – «Вопросы философии», 1989, N 4, с. 154. П. Гайденко в содержательном послесловии к публикации указывает на раннюю работу Ортеги о Фрейде (1911), но в заключительной части не обращает внимания на главное – поразительное сходство гуманистических позиций обоих мыслителей, их защиту свободной человеческой личности от попыток растворить и уничтожить ее в толпе и – в связи с этим – их одинаковое отношение к «грандиозному эксперименту»(Фрейд) или «гигантскому эксперименту»(Ортега), который на их глазах совершился в СССР. Но если Ортега, негативно относясь к «большевистскому эксперименту», не исключает возможности того, что «судьба... не допустит полного крушения этого опыта»(с. 153), то Фрейд, глубоко убежденный, что «эксперимент был преждевременным», потому что задуманное большевиками «изменение человеческой природы совершенно невероятно», исходя из тогдашней ситуации в Европе, утверждает, что «переворот в России, несмотря на все прискорбные отдельные черты, выглядит все же предвестником лучшего будущего»(цит. по: З. Фрейд, Введение в психоанализ. Лекции, М., 1989, с. 415, 414).